Н. С. ГРИНБАУМ

КРИТО-МИКЕНСКИЕ ТЕКСТЫ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТЫ

1

Расшифровка крито-микенского линейного письма В английским исследователем М. Вентрисом (1922—1956) представляет собой крупный успех современного языкознания и филологии. Это событие приравнивается по своему значению и последствиям к расшифровке египетского иероглифического письма и ассиро-вавилонской клинописи¹.

М. Вентрис доказал, что найденные в Кноссе (Крит), Микенах и Пилосе (Мессения) таблички XIV—XII вв. до н. э. составлены на греческом языке². Несмотря на то, что из 88 знаков линейного письма В удалось пока установить фонетическую значимость 65³, несмотря на имеющиеся у ряда ученых оговорки и критические замечания⁴, несмотря, наконец, на шаткость ряда гипотез, основной вывод Вентриса — определение языка текстов как греческого — не оспаривается в настоящее время ни одним исследователем. Таким образом, в распоряжение науки поступили тексты, которые на 500—600 лет старше известных до сих пор древнейших греческих письменных памятников⁵.

Серьезные расхождения продолжает, однако, вызывать вопрос о том, насколько точно линейное письмо В отражает состояние греческого языка XIV—XII вв. до н. э. Как известно, в линейном письме В, которое, надо полагать, было предназначено для какого-то другого языка⁶, не отражается долгота и краткость гласных греческого языка (например, *te* означает *τῆ*, *τη*; *ta-te* *μάτηρ* «мать»; *tu-ka-te-re* *θυγατέρες* «дочери»); звуки *j*, *l*, *m*, *n*, *r*, *s* в позиции перед согласным на письме опускаются [например, *e-ta-a* *Ἑρμῆς* («Гермес (а)»)]; не обозначается удвоение (например, *i-jo* *ἵππος* «конь»); не фиксируются конечные согласные (например, *i-jo* *ἰών* «идущий») и т. д. В связи с этим возникает вопрос, следует ли, например, в слове *pa-te* *πατήρ* «отец» отсутствие конечного *p* объяснять спецификой орфографии или особенностями произношения; означает ли написание *ka-ke-u*⁷ *χαλκός* «кузнец», что звук *λ* здесь фактически исчез или же только не отражен на письме? М. Вентрис и Дж. Чедвик счи-

¹ См. об этом A. F u g u m a r k, *Agäische Texte in griechischer Sprache*, «Eranos», vol. LI, fasc. 3—4, 1953, стр. 103.

² См. M. V e n t r i s, J. C h a d w i c k, *Evidence for Greek dialect in the Mycenaean archives*, «The journal of Hellenic studies», vol. LXXIII, 1953; см. также: E. L. B e n n e t t, J. C h a d w i c k, M. V e n t r i s, *The Knossos tablets*, London, 1956; E. L. B e n n e t t, *The Pylos tablets*, Princeton, 1955; E. L. B e n n e t t, *The Mycenaean tablets*, «Proceedings of the American philosophical society», vol. 97, № 4, 1953.

³ См. J. S a f a g e w i c z, *Odcyfrowanie tekstów greckich w piśmie linearnym B*, «Meanders», rok. X, 3, Warszawa, 1955, стр. 138. Дж. Чедвик считает, что не определена фонетическая значимость 15 знаков (см. J. C h a d w i c k, *Problèmes d'interprétation du linéaire B*, сб. «Études mycénienes», Paris, 1956, стр. 237).

⁴ См., например, A. J. B e a t t i e, M. V e n t r i s' decipherment of the Minoan Linear B script, «The journal of Hellenic studies», vol. LXXVI, 1956.

⁵ См. об этом: M. L e j e u n e, *Déchiffrement du «linéaire B»*, «Revue des études anciennes», t. LVI, № 1—2, 1954, стр. 154. Прежде древнейшей считалась греческая надпись VIII в. до н. э.

⁶ См. об этом: J. C h a d w i c k, *Greek records in the Minoan script*, «Antiquity», vol. XXVII, № 108, 1953, стр. 196.

⁷ См. С. И. Л у р ь е, *Опыт чтения микенских надписей*, ВДИ, 1955, № 3, стр. 33

тают, что подобные случаи надо объяснять особенностями мало приспособленной к греческому языку орфографии. В. Георгиев, наоборот, придерживается мнения, что конечные согласные, по-видимому, в самой речи не произносились, а некоторые согласные в позиции внутри слов подверглись ассимиляции¹. Надо полагать, что и то, и другое объяснение в известной мере имеют, видимо, под собой основание. Отдельные особенности написания слов были несомненно определены графикой (это касается, например, конечных согласных)², другие, такие, как, например, пропуск отдельных согласных в позиции перед согласными, наличие глухих вместо соответствующих придыхательных и т. д., могли отражать действительные черты произношения. Весьма любопытно, что в критском диалекте, древнейшие памятники которого, написанные греческим письмом, датируются VI—V вв. до н. э., наблюдается явление ассимиляции ряда согласных в середине слова, которое, возможно, было характерным и для языка более раннего периода, в частности — для языка крито-микенских текстов (XIV—XII вв. до н. э.). Греческое слово *φάρανα* «мечи» представлено в критских текстах как *pa-ka-na*. С явлением ассимиляции *σγ > γγ* встречаемся в критских надписях, например: *πρσγγεσταί* (г. Кнос; 5186₄)³ вместо *πρσγγεσταί* «послы»; ср. аттич. *πρσφγεσταί*.

Не менее интересны в ряде критских надписей случаи написания глухих согласных вместо соответствующих придыхательных, что является столь характерным и для крито-микенских текстов. См., например, *κρέματα* (г. Гортина; Sauer, 112 B₈) вместо *κρήματα* «имущество, деньги»; *ἀπαπαντο* (г. Гортина; Sauer, 113₆) вместо *ἀπαφπαντο* «объявленный» (здесь — «усыновленный»); *ἀυχορέν* (г. Гортина; Sauer, 113₁₀) вместо *ἀναχορέν* «отсутствовать» (здесь — «унаследовать»)⁴. Не значит ли это, что в Кносе в XIV—XII вв. до н. э. слово *φάρανα* могло звучать *πάγγανα*⁵, т. е. почти так же, как оно зафиксировано в крито-микенских текстах (*pa-ka-na*)?

Может возникнуть вопрос, чем объяснить это явление и не свидетельствует ли оно о том, что в крито-микенских текстах мы имеем дело с каким-то особым греческим диалектом? Наиболее вероятным представляется объяснение подобных фонетических явлений влиянием местного догреческого языкового субстрата, для которого были характерны такие черты, как, например, открытые слоги, неразличение звонких и глухих согласных, синкопа и т. д.⁶ Следы этого влияния обнаруживаются также в критских, в частности гортинских, надписях.

Необходимо отметить и ряд других существенных фонетических особенностей языка крито-микенских текстов XIV—XII вв. до н. э. В ли-

¹ См. В. Георгиев, *Словарь крито-микенских надписей*, София, 1955.

² В. Георгиев, по-видимому, неправ, утверждая, что отсутствие конечных согласных было обусловлено произношением. Характерно, что в этом вопросе Георгиев не поддержал ни один из участников состоявшегося в 1956 г. во Франции Международного коллоквиума по микенским текстам (см. «*Études mycéniennes*», стр. 259).

³ Ссылки на критские (и мийианские) надписи приводятся по кн.: Н. Collitz und F. Bechtel, *Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften*, Bd. III, Hälfte 2, Göttingen, 1905 (в дальнейшем в тексте указываем только номер) и P. Sauer, *Delectus inscriptionum graecarum propter dialectum memorabilium*, Aufl. 2, Leipzig, 1883 (в дальнейшем — «Sauer»).

⁴ В указанных надписях употребляется, таким образом, *κ* вместо *χ*, *π* вместо *φ*. Небезынтересно напомнить, что архаичный, так называемый эпихорический алфавит Крита также употребляет *π* вместо *φ*, *κ* вместо *χ*. См. об этом А. Thumb, *Handbuch der griechischen Dialekte*, Tl. I, Heidelberg, 1932, стр. 38—39.

⁵ Возможно, даже и *πάκ(κ)ανα*, если учесть встречающееся в критском диалекте написание *κ* вместо *γ*, например *Κετος* вместо *Γετος* «Гортина» (см. E. Schwyzer, *Griechische Grammatik*, I. f. 1, München, 1934, стр. 207).

⁶ Мы здесь не касаемся вопроса о том, принадлежал ли догреческий язык Крита к индоевропейским или неиндоевропейским языкам. См. об этом: Б. И. Надель, *Фонетические явления фракийского и илирийского языков*, ВЯ, 1956, № 4; В. И. Георгиев, *Исследования по сравнительно-историческому языковедению*, М., 1958, стр. 90 и сл. Подробный перечень литературы по этому вопросу см.: Л. А. Гиндия, *Обзор литературы по «мелазскому» языку*, ВЯ, 1959, № 5.

в линейном письме В отражены заднеязычные лабиализованные согласные (лабиовелярные), не сохранившиеся ни в одном другом памятнике греческого языка; например: *e-ge-ta* ἐπέτας < и. $\bar{e}$. ek^w (ср. лат. *sequor*) «спутник»; *go-u-ko-ro* βοῦκόλος < и. $-e$. g^wou (ср. ст.-индийск. *gaus*, лат. *bov-*) «пастух быков»¹. Транскрипционный знак *q* в линейном письме В обозначает и k^w , и g^w ; в позднейших греческих памятниках им соответствует π и β .

Для языка крито-микенских текстов характерен долгий α вместо позднейшего ионийского η ²; например: *a-ta-na* Ἀθάνα «Афина» (но ср. ионийск. Ἀθήνη); *ka-ru-ke* καρῦκε (дат. падеж ед. числа) «вестнику» (но ср. ионийск. κήρυξ). Сохраняется, как правило, дигамма (β) в начале и в середине слов; например: *wa-na-ka* Ἔναξ (им. падеж ед. числа или вин. падеж ед. числа) «владыка»; *pa₂ si-re-wi-ja* βασιλῆϊα (т. е. βασιλεία) «дворец».

Удерживается звукосочетание $-va-$ в глагольных формах 3-го лица мн. числа настоящего и будущего времени; например: *e-e-si* ἔεναι (ср. аттич. εἶσι) «едят», *e-ko-si* ἔχουσι (ср. аттич. ἔχουσι) «имеют». На сохранение группы $-va-$ указывает удвоение e в слове *e-e-si*³.

Существительные, основа которых оканчивается на o , имеют показатель род. падежа ед. числа $-oio$; например: *do-e-ro-jo* δοῦλοιο «раба», *di-wo-ni-so-jo* Διωνύσοιο «Диониса».

Слоговое приращение у глаголов в языке крито-микенских текстов не отмечается; например: аорист от глагола *ἰδῶμι* *do-ke* ἔδωκε «дал»; аорист от глагола *δέχομαι* *de-ka-sa-to* ἐδέξατο «принял». Неопределенная форма глагола оканчивается на $-ev$; например: *a-ke-e* ἄκεε (ср. аттич. ἄχειν «вести»); *e-ke-e* ἔχεε (ср. аттич. ἔχειν «иметь»).

Широко представлены существительные: на $-eas$, например: *pa₂ si-re-u* βασιλεύς «царь», *ke-re-te-u* Κρητεῖς «Кретей» (имя собственное); на $-tas$, например: *i-ke-ta* Ἰκέτας «Икет» («Проситель»), *ra-wa-ke-ta* λαφαγέτας⁴ «верховный правитель» (дословно «предводитель варода»).

Анализ особенностей языка крито-микенских текстов приводит к выводу о том, что не было, по-видимому, ни в фонетическом, ни в морфологическом отношении принципиальных различий между греческим языком XIV—XII вв. до н. э. и языком VII—IV вв. до н. э.⁵

2

Переходим к вопросу об отношении языка крито-микенских текстов XIV—XII вв. до н. э. к языку греческих диалектных надписей VII—IV вв. до н. э. Проблема взаимоотношения греческих диалектов еще не решена окончательно. Исходя из данных исторической традиции и соображений, основанных на изучении языкового материала, О. Гофман делит диалекты Греции на три группы: 1) дорийскую, 2) ахейскую с северной (Фессалия, Лесбос, части Беотия) и южной (Аркадия, Кипр) подгруппами и 3) ионийскую⁶. Учитывая этнографические и диалектно-географические моменты, А. Тумб предлагает несколько иное деление:

¹ См. K. Brugmann, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, Strassburg, 1904, стр. 168. Возможно, что *e-ge-ta* = ἐπί(σ)τάς «конный, конник» (см. С. Я. Лурье, Крито-микенские надписи и Гомер, ВДИ, 1956, № 4, стр. 7—8).

² См. O. Hoffmann, A. Debrunner, Geschichte der griechischen Sprache, I, Berlin, 1953, стр. 23—24.

³ В этом слове второй e передает слог $-ev$, поскольку n перед следующей согласной (s) в линейном письме В не фиксируется. Если бы здесь было $eioi$, мы вправе были бы ожидать, что в линейном письме В это слово отразится как *e-si*.

⁴ С. Я. Лурье удалось найти это же название в одной из фригийских надписей (Малая Азия); см.: С. Я. Лурье, Опыт чтения пилосских надписей, стр. 33—34.

⁵ См. об этом: M. Lejeune, Etudes de philologie mycénienne, «Revue des études anciennes», t. 58, № 1—2, 1956, стр. 4: «во многих отношениях „микенский“ диалект менее отличается от „исторически“ греческого, чем можно было себе это представить».

⁶ См. O. Hoffmann, Die griechischen Dialekte in ihrem historischen Zusammenhange mit den wichtigsten ihrer Quellen, Bd. 1, Göttingen, 1891, стр. IV—VII.

1) западногреческие диалекты (дорийские), 2) центральногреческие (беотийский, фессалийский, лесбосский, аркадско-кипрский), 3) памфилийский, где отразилось смешение западно- и центральногреческих диалектов, и 4) восточногреческие диалекты (ионийский и аттический)¹. Отдавая предпочтение соображениям этнографического и историко-хронологического порядка, Швицер разделил все диалекты на 2 группы: старшую — додорийскую с 3 подгруппами (ионийско-аттический, аркадско-кипрский с памфилийским и эолийский) и младшую — северо-западную дорийскую².

Основанием для названных классификаций являются прежде всего фонетические и морфологические особенности. Так, например, долготу *e* (η) в ионийско-аттическом диалекте соответствует долгое *a* (α) во всех других диалектах; в лесбосском, аркадско-кипрском, фессалийском и беотийском встречается *-po-* вместо *-ρα-* (например, *στρότος* вместо *στράτος* «войско») других диалектов³. Вин. падеж мн. числа существительных на *-ο* оканчивается в ионийско-аттическом диалекте на *-οος*, в дорийском — на *-ος*, в эолийском — на *-οος*; местоимение 1-го лица мн. числа звучит в ионийско-аттическом *ἤμεῖς*, в эолийском *ἄμεῖς*, в дорийском *ἄμεῖς*.

Однако следует отметить, что все вышеприведенные схемы деления диалектов страдают рядом недостатков. Эти схемы, во-первых, являются в значительной степени условными⁴, так как диалектная карта Греции отличается крайней пестротой и разнообразием. Во-вторых, они основываются на довольно поздних документальных данных и поэтому в состоянии лишь приблизительно верно отражать поздний (начиная с VII в. до н. э.) период распространения греческих диалектов (у ионийцев к этому времени, напр., уже исчезла дигамма, долгий *α* перешел в η и т. п.⁵).

Естественно, что в этих условиях обнаружение текстов на 500—600 лет древнее, чем наиболее архаичные из известных до сих пор греческих надписей, представляет собой событие исключительной важности для греческой диалектологии. Имеем ли мы дело с качественно новым диалектом или с одним из ранее известных науке, каковы связи языка крито-микенских текстов с остальными греческими диалектами, не сохранил ли этот язык черты, уже утраченные другими диалектами, — эти и многие другие вопросы привлекают внимание исследователей⁶.

Хотя многое остается еще неясным, некоторые замечания по этим вопросам все же можно сделать и на данном этапе изучения крито-микенских текстов. Так, например, в крито-микенском тексте (из Кносса) отмечена приставка *ἀπυ-* (вместо *ἀπο-*) в слове *a-pu-do-si ἀπυδοσις* «уплата»⁷. В то же время приставка *ἀπυ-* известна из лесбосского (г. Митилена; 238₁₀, 214₄₈ и др.), аркадского (г. Тегей; 1222₄), кипрского (г. Эдалион; 60,8₇) и фессалийского (г. Ларисса; 1308) диалектов⁸, в ионийско-аттическом же не встречается.

Вместо ионийско-аттического предлога *παρά* в крито-микенских (кноссских) текстах встречаем *pa-ro* *παρό* «при, от»⁹; вместо ионийско-аттического *τῆρα* «четыре» (в сложном слове) здесь употребляется *qe-to-ro*

¹ См. A. Thumb, указ. соч., стр. 67—68.

² E. Schwyzer, указ. соч., стр. 85—96.

³ См. O. Hoffmann, A. Debrunner, указ. соч., стр. 37.

⁴ См. об этом: U. v. Wilamowitz-Moellendorf, Der Glaube der Hellenen, Bd. I, Berlin, 1931, стр. 62.

⁵ См. O. Hoffmann, A. Debrunner, указ. соч., стр. 25.

⁶ См. S. E. Mann, Mycenaean and Indo-European, «Man», vol. LVI, february, 1956, стр. 25—26.

⁷ См. H. Mühlstein, Zur mykenischen Schrift: die Zeichen *za, ze, zo*, «Museum Helveticum», vol. 12, fasc. 3, 1955, стр. 130.

⁸ Ссылки на эолийские, беотийские, фессалийские, аркадские и кипрские надписи даются по кн.: H. Collitz, Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften, Bd. I, 1884.

⁹ См. T. B. L. Webster, Early and late in Homeric diction, «Eranos», vol. LIV, fasc. 1—4, 1956, стр. 38.

тет(ο)ρο-. Употребление -ρο- вместо -ρα- имеет место в лесбосском [τρόραγοι (им. падеж. мн. числа) «полководец», 6₇], беотийском [Βροχῆς (имя собственное, основа βροχ «короткий»), 2383₂], фессалийском [Βρόχης (имя собственное), 460₁₃]; следы этого явления наблюдаются в аркадском (тетόραυ «четвертый», 6₁₀₄) и в кипрском¹.

В крито-микенских текстах встречается имя собственное ро-το-ρι-jo Πτόλιων, образованное от слова πτόλις (т. е. πόλις) «город». Сочетание π- вместо π- в подобных же словах мы находим в аркадском диалекте (название местности Πτόλις²), на критских монетах г. Алтары (Πτόλιος³) и в надписях с острова Кипр [ро-το-λι-се πτόλις (г. Эдалион; 60₂)].

В крито-микенских текстах обращает на себя внимание показатель род. падежа ед. числа -οιο для существительных, основа которых оканчивается на -ο, например do-e-ro-jo δοέλοιο «раба»⁴. Единственным диалектом, сохранившим формы род. падежа на -οιο, является фессалийский: в надписи из г. Лариссы читаем: πολέμοιο (511₆) (πόλεμος «война»), в надписях г. Краннона: Παυσονείοιο (458₁₁) (имя собственное), Φορξοιο (459₁₁) (имя собственное), и т. д.⁵.

В крито-микенских текстах сохранился древний орудийный падеж с окончанием на -φι⁶, например qe-to-ro-ro-pi тет(ο)ρόπο(δ)φι (от τεράπος «четырёхножный»). Следы орудийного падежа на -φι находим в беотийском диалекте. Так, в словаре Гесихия читаем: «слово πασσαλόφι означает „(от) деревянного гвоздя“, беотийское выражение»⁷. Формы на -φι принято считать эолийскими⁸.

В языке крито-микенских текстов глагольные формы 3-го лица мн. числа наст. времени оканчиваются на -(ν)σι, например e-ko-si έχο(ν)σι «имеют» (от έχω); справедливо отмечалась близость их и соответ. форм в ионийско-аттическом, аркадско-кипрском и эолийском диалектах⁹.

В крито-микенских текстах встречается, как уже отмечалось выше, числительное qe-to-ro¹⁰ тет(ο)ρο- «четырёх-» (в сложных словах). Форма тетόρες «четыре» засвидетельствована в ряде северо-западных греческих диалектов (западнолокридском, фокейском, мегарском и т. д.). В аркадском сохранилось порядковое числительное тетόραυ (6₁₀₄, 7₈)¹¹, которое, по всей вероятности, было образовано от тетόρες при помощи характерного элемента -ορ- вместо -αρ-, -ερ-, -ορ- в других диалектах [ср. ионийск. τέσσαρες, аттич. τέτταρες, лесбосск. τέσ(σ)υρες и т. д.]. В фессалийском диалекте в одной из надписей г. Лариссы обнаружена форма петρο-¹² в сложном слове петροετηρίδα «четырёхгодичный праздник»¹³.

¹ Ф. Бехтель считает, что употребление -ρο- вместо -ρα- является общеэолийской чертой (см. F. B e c h t e l, Die griechischen Dialekte, Bd. 1, Berlin, 1921, стр. 243).

² См. P a u s a n i a s, Hellados periegesis, hrsg. H. Hitzig, H. Blutschner, kn. VIII, Leipzig, 1896 — 1910, гл. 12, § 7.

³ F. B e c h t e l, указ. соч., Bd. 2, 1923, стр. 703.

⁴ Форма род. падежа ед. числа на -οιο сохранилась в языке поэм Гомера (см. П. Ш а п т р е н, Историческая морфология греческого языка, М., 1953, стр. 25).

⁵ В этой статье автор намеренно не обращается к литературным памятникам.

⁶ E. S c h w y z e r, Griechische Grammatik auf der Grundlage von K. Brugmanns «Griechischer Grammatik», Bd. 1, München, 1939, стр. 548, 550—551. Форма на -φι (< и.-е. форманты орудийного падежа на -bh) встречается у Гомера. См. П. Ш а п т р е н, указ. соч., стр. 97. Вентрис пишет: -φι в крито-микенском присоединяется прямо к корню.

⁷ I. Albertum, Hesychii Alexandrini lexicon, vol. III, Ienae, 1861, стр. 290. Ср. беотийск. έπιτατρόφιον «отчество» (E. S c h w y z e r, Dialectogium Graecarum exemplaria epigraphica potiora, Lipsiae, 1923, № 462, 28).

⁸ См. F. B e c h t e l, указ. соч., стр. 269. Полагают, что форма έρεεσφι (= τέχνοισ, Гесихий) «детьми, от детей» фессалийская (O. Hoffmann, указ. соч. Bd. 2, 1893, стр. 225).

⁹ См. J. Safarewicz, указ. соч., стр. 144.

¹⁰ Начальный q соответствует и.-е. k¹⁰, qe-to-re < *k¹⁰eteres. Ср. лат. quattuor, литов. ketveri, русск. четыре.

¹¹ См. также «Inscriptiones graecae», vol. V, pars 2, Berolini, 1913, стр. 11.

¹² Ср. лесбосск. πέσ(σ)υρες, беотийск. πέτταρες с начальным π вместо τ.

¹³ См. F. B e c h t e l, указ. соч., стр. 183.

Приведенные выше сопоставления позволяют сделать следующие выводы. В языке крито-микенских текстов, как и следовало ожидать, сохранился ряд архаических явлений, не засвидетельствованных в других греческих диалектах (лабиовелярные согласные). В то же время язык крито-микенских текстов не выделяется среди других греческих диалектов какими-то особыми, качественно отличными чертами, хотя и имеет явные следы влияния другого, догреческого языка аборигенов Крита.

3

По вопросу о наличии и характере связей языка крито-микенских текстов с греческими диалектами высказывались различные предположения. М. Вентрис и Дж. Чедвик увидели в языке крито-микенских текстов древнеахейский диалект¹. П. Шантрен обратил внимание на близость ряда элементов этого языка и соответствующих элементов гомеровского языка (род. падеж ед. числа на -*ο*, орудийный падеж на -*φι*), с одной стороны, и аркадско-кипрского диалекта (3-е лицо ед. числа средн. залога на -*το*), с другой. Вместе с тем Шантрен полагает, что не следует сблизять язык крито-микенских текстов ни с дорийским диалектом (глагольные формы 3-го лица ед. числа оканчиваются здесь на -*σι*, а не на -*τι*), ни с ионийским (сохранение долгого *α*); он считает, что язык, на котором говорили на Крите и Пелопоннесе в период с 1500 по 1200 г до н. э., по-видимому, был своего рода «предком аркадско-кипрской группы»². М. Лежен указал на необходимость быть более осторожным в определении характера языка крито-микенских текстов; признавая существование определенной связи этого языка с аркадским и кипрским, он тем не менее приходит к выводу, что видеть в языке крито-микенских текстов древнюю форму аркадско-кипрского диалекта нет достаточных оснований³. В. Пизани обратил внимание на наличие в языке крито-микенских текстов ряда черт, отличающих его от дорийского и северозолийского, а также отметил близость языка текстов аттическому (в меньшей мере — ионийскому) и особо тесную связь языка текстов с аркадско-кипрским диалектом. Пизани предложил при классификации греческих диалектов выделять не три, а четыре группы, прибавив к дорийской, эолийской и ионийско-аттической группам новую — микенскую группу⁴. Э. Риш поставил под сомнение древность ионийского и главным образом эолийского диалектов. Крито-микенские тексты, по его мнению, подтвердили предположение о тесной связи гомеровского языка с аркадским диалектом. Риш предложил разделить греческие диалекты на две древнейшие группы: южную и северную, полагая при этом, что аркадский, восточнофессалийский и кипрский диалекты представляют собой уцелевшие остатки этих двух групп⁵.

Эти взгляды Риша подверг критике С. Я. Лурье⁶, который считает, что нет оснований сомневаться в древности ионийского диалекта (ионийцы упоминаются уже в микенских надписях), равно как и объединять в «северную группу» эолийский, западногреческий и дорийский диалекты. Вслед за Гофманом и Вентрисом Лурье полагает, что эолийский, так же как и аркадско-кипрский, памфилийский диалекты и язык древнейшего слоя поэм

¹ См. об этом выше, стр. 78.

² P. Chantraine, Le déchiffrement de l'écriture linéaire B à Cnossos et à Pylos, «Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes», sér. 3, t. XXIX, fasc. 1, 1955.

³ M. Lejeune, Études de philologie mycénienne, I—II, «Revue des études anciennes», t. LVIII, № 1—2, 1956, стр. 6.

⁴ V. Pissani, Die Entzifferung der ägeischen linear B Schrift und die griechischen Dialekte, «Rheinisches Museum für Philologie», Bd. 98, Hf. 1, 1955.

⁵ E. Risch, Die Gliederung der griechischen Dialekte in neuer Sicht, «Museum Helveticum», vol. 12, fasc. 2, 1955.

⁶ См. С. Я. Лурье, Язык и культура микенской Греции, М.—Л., 1957.

Гомера, следует возводить к «ахейскому диалекту»¹. По мнению Лурье, ахейский диалект в XV—XIV вв. до н. э. уже противостоял, с одной стороны, ионийскому диалекту, который сохранил ряд более древних форм, и, с другой, дорийскому, сохранившему древнее $-τι$, которое и в ахейском, и в ионийском изменилось в $-τι$.

Вопрос о характере языка крито-микенских текстов (наряду с другими вопросами, касающимися этих текстов) был подвергнут детальному обсуждению на Международном коллоквиуме по микенским текстам, в котором приняли участие ученые из 8 стран (21 человек). В ходе дискуссии по докладам Э. Риша и В. Георгиева выступили виднейшие «микенологи»²: М. Вентрис, Дж. Чедвик, М. Лежен, Э. Беннет, П. Шантрап, Г. Мюлештейн и др. Коллоквиум дал возможность его участникам лучше ознакомиться с успехами быстро развивающейся микенской филологии и наметить теоретические и практические задачи на ближайшее будущее. Однако, как и следовало ожидать, имевший место обмен мнениями не привел к выработке согласованного мнения по вопросу о характере крито-микенского диалекта и определении его места среди других греческих диалектов. Дискуссия и продолжающееся по сей день обсуждение этой проблемы на страницах научных журналов позволяют выделить несколько точек зрения: язык крито-микенских надписей наиболее близок к аркадско-кипрской и эолийской диалектным группам (М. Вентрис, Дж. Чедвик)³; крито-микенский диалект весьма близок к аркадско-кипрскому и протоионийскому диалектам (Э. Риш)⁴; крито-микенский диалект — переходная ступень между ионийско-аттическим и эолийским диалектами (Ф. Адрадос)⁵; крито-микенский — смешанный диалект, наложение прааркадско-кипрского (эолийского) и праионийского диалектов (В. Георгиев)⁶.

В таблице на стр. 85 сопоставляется ряд черт языка крито-микенских текстов с соответствующими явлениями других диалектов.

При рассмотрении материалов, приведенных в таблице, обращает на себя внимание прежде всего близость языка крито-микенских текстов к языку надписей Фессалии и к аркадско-кипрскому диалекту. При этом характерно, что ряд особенностей, общих для «микенского» диалекта, диалекта Фессалии (отчасти Беотии) и языка Гомера, не представлен в аркадско-кипрском ($-οιο$, $-αου$, $-φι$, $-ιος$)⁷. Связь языка текстов с языком Гомера в большей степени проявляется в области морфологии, затрагивая главным образом более древние элементы гомеровского языка (род. падеж на $-οιο$, $-αο$ и т. д.). Вместе с тем в крито-микенских надписях представлены формы, характерные как для Гомера, так и для ионийско-аттического диалекта ($ιερός$, $ετα$, $ξυν$, $Ἄρτεμις$ и др.). Ряд фонетических особенностей «микенского» диалекта сближает его с аркадско-кипрским, а также с языком надписей Фессалии и Лесбоса ($αλο$, $βυ-$, $-ρο-$); в языке Гомера эти явления ($ο < ο$, $ο < α$) встречаются спорадически⁸.

Исходя из анализа языковых данных, приведенных в таблице, можно сделать следующие выводы. Во-первых, «микенский» диалект не является предшественником ни западногреческих (включая дорийский), ни ионий-

¹ См. С. Я. Лурье, указ. соч., стр. 179.

² Употребление этого термина см.: «Gnomon», Bd. 30, Hf. 4, 1958, стр. 308.

³ M. Ventris, J. Chadwick, Documents in Mycenaean Greek, Cambridge, 1956, стр. 74.

⁴ E. Risch, La position du dialecte mycénien, «Études mycéniennes», стр. 170.

⁵ F. R. Adrados, Achäisch, Ionisch und Mykenisch, IF, Bd. LXII, 3, 1956.

⁶ В. И. Георгиев, Исследования..., стр. 69. Приписываемое В. Георгиевым (там же, стр. 65) М. Лежену мнение, что крито-микенский является предшественником западногреческих диалектов (со ссылкой на BSLP, t. 52, fasc. 1, 1956, стр. 189), по-видимому, результат недоразумения.

⁷ Э. Риш сообщает о наличии в «микенском» диалекте у существительных с согласным исходом основы формы вян. падежа мн. числа на $-ες$, также не представленной в аркадско-кипрском [см. E. Risch, Un problème de morphologie grecque, BSLP, t. 53 (1957—1958), fasc. 1, 1958].

⁸ См. P. Chantraine, Grammaire homérique, Paris, 1942, стр. 25—26.

№№ п/п	Диалект Языковые явления	Крито- микен.	Язык Гомера	Ион.- атт.	Арк.- кипр.	До- рийск.	Лесб.	Фесса- лийск.	Беот
а) Фонетико-мор- фологические									
1 ^а	3-е лицо ед. числа наст. времени -σι	+	+	+	+	-	+	-	-
2	Род. падеж ед. числа -οιο	+	+	-	-	-	+(A)	+	-
3	Род. падеж ед. числа -αο	+	+	-	-αο	-	+(A)	+	+
4	Род. падеж мн. числа -αων	+	+	-	-	-	-	+	+
5	Инфинитив -μεν	+	+	-	-	+	-	+	+
6	Орудийный падеж -φι	+	+	-	-	-	-	+(?)	+
7	Им. падеж ед. числа муж. рода -α	+	+	-	-	-	-	+	+
8	Прилагат. (обознач. отчество) на -ιος	+	+	-	-	-	+	+	+
9	Прилагат. (обознач. вещество) на -ιος	+	+	-	-	-	+	+	-
10	3-е лицо ед. числа гла- голов средн. залога -τοι	+	-	-	+	-	-	-	-
б) Фонетико-лек- сические									
11	*α	+	-	-	+	+	+(A)	+	+
12	πτ-	+	+	-	+	-	+(A)	ττ-	-
13	πεδα	+	-	-	+	-	+	-	+
14	ποτι	-δι	+	-	-ς	+	-	τ	+
15	ἀπὸ	+	-	-	+	-	+	+	-
16	-ρο-	+	-	-	+	-	+	+	+
17	ὄν-	+	-	-	+	-	+	+	-
18	тетро-	+	-	-	+	-	-	π-	-
19	ὄπ-	+	-	-	-	-	-	+	-
20	-νε	+	-	-	-νι	-	-	+	-νι
21	ρετά	+	+	+	-	-	+	+	-
22	ζόν	+	+	+	-	-	-	-	-
23	δτε	+	+	+	+	-	-	+	-
24	ιερως	+	+	+	+	-	-	+	-
25	*Ἄρτεμις	+	+	+	-	-	-	+	-
26	Ποσειδ-/Ποσειδ-	+	+	+	-	-	-	+	-
27	ιατήρ	+	+	-	+	-	-	-	-

Примечания к таблице:

1. Более подробно об этой глагольной форме см.: J. Chadwick, *The Greek dialects and Greek prehistory*, «Greece and Rome», ser. 2, vol. III, № 1, 1956, стр. 42. Знак + обозначает наличие данной формы в диалекте; А — сокращенно: Алкий.

5. См. В. И. Георгиев, *Исследования...*, стр. 68

6. См. M. Lejeune, *La désinence -φι en mycénien*, BSLP, t. 52, fasc. 1, 1956; его же, *Essais de philologie mycénienne*, «Revue de philologie de littérature et d'histoire anciennes», t. XXXII, fasc. II, 1958, стр. 214.

7. См. E. Risch, *La position du dialecte mycénien*, «Études mycéniennes», стр. 169; V. Georgiev, *La κοινή créto-mycénienne*, там же, стр. 185.

9. См. H. Mühlestein, *L'adjectif mycénien signifiant «en or»*, там же, стр. 93—97.

10. См. M. S. Ruipérez, *Desinencias medias primarias indoeuropeas*, «Emerita», t. XX, Madrid, 1952, стр. 8—31.

12. M. Ventris, J. Chadwick, *Documents in Mycenaean Greek*, стр. 83.

17. Там же, стр. 74.

18. См. E. Schwyzer, *Griechische Grammatik*, Bd. II, München, 1950, стр. 465; O. Landau, *Mykenisch-griechische Personennamen*, Göteborg, 1958, стр. 160.

19. См. E. Risch, *Caractères et position du dialecte mycénien*, «Études mycéniennes», стр. 257; его же, [реп. на кн.]: C. J. Ruijgh, *L'élément achéen dans la langue épique*, «Glotton», Bd. 30, № 2, 1958, стр. 91.

22. См. надписи № 620₄₁ и № 565₂ в кн.: E. Schwyzer, *Dialectorum graecarum exempla epigraphica potiora*, Lipsiae, 1923.

24. См. C. D. Buck, *The Greek dialects*, Chicago, 1955, стр. 24.

25. См. F. Bechtel, указ. соч., стр. 175.

ского, ни эолийского диалектов, несмотря на сохранение им некоторых архаических языковых элементов¹. Во-вторых, «микенский» диалект наиболее близок к языку фессалийских надписей и к аркадско-кипрскому диалекту, причем первый сохранил больше древних элементов, свойственных «микенскому» диалекту, чем второй². В-третьих, в «микенском» диалекте представлены в основном элементы двух диалектов: ахейского и ионийского. Наличие отдельных, как правило, фонетических элементов эолийского диалекта могло быть вызвано родственными связями ахейского с эолийским (ср. Strabo, Geographica, кн. VIII, гл. 1: Ἀχαιῶν, Αἰολικῆ ἔθνος)³. В-четвертых, «микенский» диалект представляет собой не отдельный греческий диалект, а сложившееся, по-видимому, в первой половине II тысячелетия до н. э. в Северной Греции ахейско-ионийское койне⁴, распространенное впоследствии ахейцами (а может быть, и ионийцами) на Пелопоннес и Крит. Можно предположить, что оно образовалось в результате более или менее продолжительного воздействия ионийского диалекта на ахейский⁵. Отсутствие в этом койне ионийских морфологических элементов (если не считать окончания -σι, которое могло быть и ахейским) свидетельствовало бы в таком случае о том, что ахейский пласт является в этом койне первичным и более глубоким, ионийский — более поздним и поверхностным⁶. Тот факт, что характерные для «микенского» диалекта явления больше всего представлены в надписях Фессалии, говорит в пользу предположения о существовании ахейско-ионийского койне первоначально и на ее территории (а, возможно, на территории Беотии)⁷. Можно напомнить, что «Илиада» знает два ахейских центра в Греции: один в Фессалии, другой на Пелопоннесе (области: Мессения, Лакония и Арголида)⁸. Мы имеем бы в таком случае дело с одним и тем же ахейско-ионийским койне, широко представленным в крито-микенских текстах и рудиментарно сохранившимся главным образом в надписях Фессалии, Аркадии, Кипра и отчасти в надписях других областей Греции — Беотии, Крита, Памфилии и др.⁹

Высказанные выше в порядке дискуссии соображения никоим образом не претендуют на решение столь сложного и трудного вопроса.

¹ См.: E. R i s s h, Caractères et position..., стр. 250; В. И. Г е о р г и е в, Исследования..., стр. 65.

² См. J. C h a d w i c k, The Greek dialects and Greek prehistory, стр. 47.

³ Более правильным все же было бы отнести и эти элементы за счет ахейского диалекта, так как особенно эолийские языковые особенности в крито-микенских текстах не обнаружены. См. P. C h a n t r a i n e, A propos d'un recueil de textes mycéniens, «Revue de philologie...», t. XXXI, fasc. II, 1957, стр. 241.

⁴ Мысль о том, что «микенский» диалект представляет собой койне, была впервые высказана В. Георгиевым (см. V. G e o r g i e v, La κοινή εἰσο-μυσείνια, «Études mycéniennes»). Точка зрения автора настоящей статьи несколько отличается от той, которую отстаивает В. Георгиев, поскольку болгарский ученый предполагает, что данное койне образовалось в Южной Греции на базе греческих диалектов Крита, с одной, и Пелопоннеса, с другой стороны (см. там же, стр. 187).

⁵ См. O. H o f f m a n n, Geschichte der griechischen Sprache, I, Leipzig, 1911.

⁶ Дж. Чедвик (см. его «The Greek dialects and Greek prehistory», стр. 41) признает, что пока нет достаточных оснований для решения вопроса о том, предшествовало ли ахейское вторжение ионийскому или ионийское ахейскому.

⁷ У Гомера (Илиада, кн. XIII, стр. 685) ионийцы — Ἴωνες ἐλικυτίωνες — упоминаются как соседи беотийцев, локридцев и фгийцев. Геродот (кн. V, гл. 58, § 2) сообщает, что некогда Беотия была населена ионийцами. У него же (кн. VII, гл. 94) находим сообщение о пребывании ионийцев в северной части Пелопоннеса.

⁸ См. O. H o f f m a n n, Die griechischen Dialekte..., стр. VI. О связях фессалийских ахейцев с населением Пелопоннеса см.: W. P o r z i g, Sprachgeographische Untersuchungen zu den altgriechischen Dialekten, IF, Bd. LXI, Hf. 2—3, 1954, стр. 165.

⁹ Это, конечно, не означает, что ахейско-ионийское койне было идентичным на севере и юге; наоборот, можно предположить, что оно имело, кроме общих черт, ряд существенных особенностей: с одной стороны, в Фессалии (влияние эолийского, затем дорийского), с другой, на Пелопоннесе и Крите (влияние местного субстрата). См. об этом: O. L a n d a u, Mykenisch-griechische Personennamen, стр. 238—239.